

М. А. Федотова
(ИРЛИ РАН)

**«Я напрасно искал Василия Блаженного
в Четьх Минеях...»:
А. С. Пушкин и «Книга житий святых»
Димитрия Ростовского**

Внимание к литературе Древней Руси и достаточно глубокий интерес Пушкина к русской агиографии неоднократно отмечались в пушкиноведении, но для того чтобы сделать заключение, насколько ярким, самобытным и серьезным было «творческое использование» поэтом «традиций древнерусской литературы», исследователю не обойтись без обращения к его «историко-литературным студиям».¹

Совершенно очевидно, что с житиями святых Пушкин был знаком по Четьм Минеям, или «Книге житий святых» Димитрия Ростовского, и по изданию «Пролога»: «на протяжении всей его жизни „Четьи Минеи“ и „Пролог“ были его постоянным чтением, еще с лицейских времен, когда он начал работать над поэмой „Монах“».² Судя по различным письменным свидетельствам, внимание Пушкина именно к Четьм Минеям Димитрия Ростовского было большим и более последовательным.

Первое (прижизненное) издание Четьх Минеи Димитрия Ростовского было напечатано в четырех книгах,

¹ Ср.: *Фомичев С. А.* Пушкинская перспектива. М., 2007. С. 32.

² Там же. С. 34.

по три месяца в каждой, в Киеве в 1689—1705 годах. Второе издание вышло также в Киеве, но уже после смерти митрополита, в 1711—1718 годах: первый том содержал дополнения и исправления, сделанные еще самим Димитрием Ростовским, второй и третий тома никаких существенных изменений не имели, тираж четвертого тома сгорел при пожаре Киево-Печерской лавры, истребившем почти полностью архив, типографию и библиотеку Лавры. Думается, что первое и второе киевские издания Четых Миней Пушкину доступны не были: эти книги, конечно, не являются библиографической редкостью, но о наличии их в частных светских библиотеках XIX века нам не известно. Скорее всего, поэт пользовался, как уже отмечалось в научной литературе и в комментариях к сочинениям Пушкина, одним из синодальных изданий, и, согласно разновременным фактам, ссылкам на них, он мог использовать разные издания. Первое синодальное издание, редакторами и правщиками которого были Иоасаф Миткевич, ректор Новгородской семинарии и архимандрит новгородского Антониева монастыря, и Никодим Пученков, ректор Петербургской семинарии, и которое имеет, что не удивительно, ряд цензурных купюр и дополнений по сравнению с первой, прижизненной, публикацией Четых Миней, вышло в Московской Синодальной типографии в 1759 году. Далее были издания 1762 (2-е изд.), 1764 (3-е изд.), 1767 (4-е изд.), 1782 (5-е изд.), 1789 (6-е изд.), 1796 (7-е изд.), 1805 (8-е изд.), 1815 (9-е изд.), 1829 (10-е изд.), и 11-е, последнее издание, которое могло быть использовано Пушкиным, вышло в 1835 году. Наряду с московскими изданиями известны и два киевских этого периода: в 1764 и 1827 годах.³

Хотя поэт мог использовать в своей ранней поэме «Монах» (1813) Житие Иоанна Новгородского (его текст

³ Круминг А. А. Четьи Миней святого Димитрия Ростовского: очерк истории издания // Филевские чтения. Вып. 9: Святой Димитрий, митрополит Ростовский. Исследования и материалы / Под ред. Л. А. Янковской. М., 1994. С. 38.

имеется в том числе и в Четых Минеях Димитрия Ростовского),⁴ первое документированное свидетельство о чтении этого агиографического свода все-таки относится к январю 1825 года: это хорошо известный и не раз комментируемый фрагмент из записок И. И. Пущина: «Среди этого чтения (чтения «Горя от ума». — М. Ф.) кто-то подъехал к крыльцу. Пушкин взглянул в окно, как будто смутился и торопливо раскрыл лежавшую на столе Четью-Минею.⁵ Заметив его смущение и не подозревая причины, я спросил его: что это значит? Не успел он отвечать, как вошел в комнату низенький, рыжеватый монах и рекомендовался мне настоятелем соседнего монастыря».⁶ Эти воспоминания относятся к периоду работы поэта над «Борисом Годуновым»,⁷ в тексте которого два образа могут иметь непосредственный агиографический источник — это внесценический, но имеющий огромное историческое значение и внутреннее содержание образ царевича Димитрия и образ юродивого. Безусловно, пушкинистами описаны и интерпретированы все возможные и доступные поэту архивные, исторические и литературные источники драмы, в том числе и памятники житийного жанра,⁸

⁴ См., например: *Димитрий Ростовский*. Книга житий святых. Т. 1 (сентябрь–ноябрь). Киев, 1764. Л. 41–44 об. Далее указание на том и листы этого издания — после цитаты в скобках.

⁵ Э. Ф. Лобанова предположила, что это было московское издание Четых Миней 1815 г., см.: *Лобанова Э. Ф.* Михайловская библиотека Пушкина. Попытка реконструкции каталога. М., 1997. С. 28, № 23.

⁶ *Пущин И. И.* Записки о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников. В 3 т. 3-е изд., доп., СПб., 1998. Т. 1. С. 95.

⁷ Если Четьи Минеи и относились к кругу духовной литературы, рекомендованной поэту во время его пребывания в Михайловском, то таковыми они оставались недолго. Ср.: *Терешкина Д. Б.* «Четьи Минеи» и русская словесность Нового времени: монография. Великий Новгород, 2015. С. 76.

⁸ См., например, последнее академическое издание «Бориса Годунова», в составе которого исследование и подробный комментарий: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2009. Т. 7. Драматические произведения / Ред. тома М. Н. Виролойнен, Л. М. Лотман. С. 7–96, 259–390, 569–716.

в нашу задачу входит дать только некоторый комментарий к «агиографическим разысканиям» поэта в период работы Пушкина над «Борисом Годуновым» в контексте Четвых Миней Димитрия Ростовского.⁹

У нас нет письменных свидетельств того, что Пушкин читал Житие царевича Димитрия в составе «Книги житий святых» ростовского митрополита,¹⁰ но отрицать возможность знакомства поэта с этим текстом у нас также нет оснований, тем более что текст Жития читается в 4-й, последней, книге (на месяцы июнь–август) Четвых Миней, которая, на наш взгляд, совершенно определенно была у поэта.

Святитель Димитрий составил свою (четвертую по счету из всех) редакцию Жития царевича Димитрия (полное название «В той же день пренесение честных мощей святаго страстотерпца благовѣрнаго царевича князя Димитрия, Московскаго и всея России чудотворца» (Т. 4, Л. 24–33) и поместил ее под 3 июня, а не под 15 мая, как следовало бы, так как это память на день убиения царевича Димитрия. Ростовский митрополит объяснил это после названия Жития следующим образом: «Память святаго Димитрия царевича празднственнo почитается мѣсяца маиа в 15 день, ибо тогда убиен бысть. А понеже, пишущу тогда оный мѣсяц и день, не прилучися история о убиении его, нынѣ же та обрѣтесе, убо в нынѣшний день, в празднество пренесения честных мощей его, и о убиении того здѣ

⁹ Искренне благодарю коллег-пушкинистов, и прежде всего Т. И. Краснобородько, за ценные консультации при написании данной статьи.

¹⁰ О влиянии «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина как на создание образа царевича Димитрия, так и на всю трагедию в пушкиноведении написано достаточно много, см. библиографию: Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2009. Вып. 1. А–Д. С. 174–177. См. также: Державина О. А. Трагедия Пушкина «Борис Годунов» и русские исторические повести XVII века // Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина. М., 1954. Т. 43, вып. 4. С. 141–162.

история полагается». ¹¹ Запись эта очень важна, она наряду с другими фактами свидетельствует о том, что Димитрий, приехав с Украины в Москву, а затем в Ростов, во время работы над последним томом своих Четьих Миней активно собирал жития великорусских святых, которых ему не хватало в первых книгах, о чем еще будет сказано далее.

Житие, согласно письму Димитрия иеромонаху Феологу, было написано в конце 1702 года. ¹² Источниками Жития царевича Димитрия в редакции ростовского митрополита были: Милютинская редакция Жития царевича Димитрия, Летописец Новый, Хронограф, в частности фрагменты, восходящие к Иному сказанию, и Сказание о царстве Феодора Иоанновича. ¹³ В конце Жития читаются «Чудеса святаго вкратцѣ» (Т. 4, Л. 31—33). Заметим, что ни в одном другом источнике, который был у Пушкина, не говорится о чудесах святого. О чудесах от гроба царевича Димитрия в 12-м томе «Истории государства Российского» писал

¹¹ Заметим, что именно Димитрий Ростовский 3 июня 1706 года в Москве произнес проповедь по случаю 100-летия перенесения мощей Димитрия царевича из Углича в Архангельский собор Московского Кремля. См.: *Федотова М. А.* О неизданных проповедях Димитрия Ростовского: Слово на перенесение мощей святого мученика Димитрия царевича // ТОДРЛ. Т. 63. СПб., 2014. С. 184—204.

¹² Подлинник письма, находившийся в библиотеке ростовского Спасо-Яковлевского монастыря, утерян. Факсимильное воспроизведение, сделанное епископом Амфилохием, хранится в РНБ, собр. А. А. Титова, № 1301. Впервые письмо было напечатано: Заря. СПб., 1871. Февраль. С. 1—2; перепечатано: Ярославские епархиальные ведомости. 1871. № 12. Ч. неоф. С. 93. Текст письма по факсимиле издан и прокомментирован: *Федотова М. А.* Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского. М., 2005. С. 67—68, 264—266.

¹³ См.: *Солодкин Я. Г.* Житие Димитрия Угличского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3, Ч. 1. С. 341. Сохранился и автограф Жития Димитрия царевича в редакции Димитрия Ростовского: Угф ГАЯО, ф. 49, оп. 1, ед. 17. См.: *Русинов Н. Д.* Собрание памятников древнерусской письменности Угличского государственного архива Ярославской области // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 499. Текст рукописи издан Амфилохием Угличским: Житие, страдания и чудеса св. Димитрия царевича с оригинала подлинного почерка св. Димитрия, митрополита Ростовского, с снимком почерка руки его и изображением св. Димитрия царевича. М., 1889.

Н. М. Карамзин, также со ссылкой на Четвы Минеи Димитрия Ростовского,¹⁴ но, как справедливо отмечено в комментариях к «Борису Годунову», этот том вышел «тогда, когда Пушкин закончил работу над трагедией».¹⁵

Тем не менее у Пушкина в сцене «Царская дума» патриарх повествует царю Борису о чуде:

В вечерний час ко мне пришел однажды
Простой пастух, уже маститый старец,
И чудную поведал он мне тайну.
«В младых летах, — сказал он, — я ослеп
И с той поры не знал ни дня, ни ночи <...>
А снилися мне только звуки. Раз
В глубоком сне, я слышу, детский голос
Мне говорит: — Встань, дедушка, поди
Ты в Углич град, в собор Преображенья;
Там помолись ты над моей могилой,
Бог милостив — и я тебя прошу. —
— Но кто же ты? — спросил я детский голос.
— Царевич я Димитрий. Царь небесный
Приял меня в лик ангелов своих,
И я теперь великий чудотворец. <...>
Пойду — и в путь отправился далекий.
Вот Углича достиг я, прихожу
В святой собор и слушаю обедню
И, разгораясь душой усердной, плачу
Так сладостно, как будто слепота
Из глаз моих слезами вытекала.
Когда народ стал выходить, я внуку
Сказал: „Иван, веди меня на гроб
Царевича Димитрия“. И мальчик
Повел меня — и только перед гробом
Я тихую молитву сотворил,

¹⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб.: в типографии Греча, 1829. Т. XII. С. 12 (1-й паг.), 9 (2-й паг.), прим. 22.

¹⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 684.

Глаза мои прозрели: я увидел
И Божий свет, и внука, и могилку». ¹⁶

Связь этого фрагмента (описания чуда) с житийной литературой уже была отмечена в пушкиноведении.¹⁷ В. А. Бочкарев даже связал его с Житием царевича Димитрия в редакции Четъих Миней, но прокомментировал чудом, которое произошло не от гроба царевича в Угличе, а уже от мощей, перенесенных в Архангельский собор Московского Кремля. Содержание чуда следующее: сторож Вознесенского монастыря Симеон, Стефанов сын, полтора года был расслаблен и, придя к гробу царевича в Москву, уснул, во сне увидел отрока Димитрия, призывающего его подняться, а «воспрянув от сна, исполнился ужаса, и ощути себе быти здрава» (Т. 4. Л. 32).¹⁸

Думается, однако, что поэт был более внимателен, читая Житие царевича Димитрия. У Димитрия Ростовского в тексте Жития есть фрагмент: «Царствующу же Борису Годунову на престолѣ Московскаго Государства, *начаша во Угличь от гроба святаго новаго мученика Димитриа царевича бевати чудеса* (здесь и далее курсив наш. — М. Ф.) и подаватися болящым исцѣления, *его бо прослави Бог на небеси, причислив к лику святых мучеников*, того восхотѣ прославити и на земли <...>. Даде убо сему новому страстотерпцу российскому царевичу князю Димитрию *ту благодать, дабы от честных мощей его источалися цѣльбы недугом челоувѣческим*, сие же в почесть и прославление страдалческакия неповинно излиянныя крове, во обличение же и *студ* излявшым ю. И *прихождаше о чудесах* святаго новаго мученика Димитриа *слух во уши царю Борису*, он

¹⁶ Там же. С. 63—64.

¹⁷ См., например: *Фомичев С. А.* Пушкинская перспектива. С. 37.

¹⁸ *Бочкарев В. С.* Трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов» и отечественная литературная традиция // Болдинские чтения. Горький, 1988. С. 7—8. Заметим только, что у Димитрия Ростовского сторож — не монастырский отрок, как полагает В. С. Бочкарев: он был расслаблен не с юных лет (не с полутора лет), а в течение полутора лет.

же возвѣщающим то смертными прещениями запрещааше, да не явѣ творят сего в людех. *Студ бо и срамота покрываше лице его, и совѣстию внутрь* яко Каин обличаемый, сам в себѣ снѣдашеся <...>» (Т. 4, л. 28 об.–29). Далее описывается чудо — явление Дмитрия царевича монаху Угличского монастыря Тихону с пророчеством о приходе самозванца, который назовется его именем и погубит Бориса Годунова, истребив и весь годуновский род.

Возможно, именно этот отрывок является параллелью к чуду, описанному Пушкиным: чудо, упомянутое в драме «Борис Годунов», произошло в угличском Преображенском соборе от могилы (гроба) царевича Дмитрия еще до его канонизации и перенесения мощей в Москву, и во время его совершения явившийся отрок произносит: «Царевич я Дмитрий. Царь небесный / Приял меня в лик ангелов своих, / И я теперь великий чудотворец»; ему вторит князь Шуйский, что «Всевышний <...>, / Неленный сон и силу чудотворства <...> / может дать младенческим останкам».¹⁹ Заметим также, что у Дмитрия Ростовского говорится ранее в тексте Жития и о том, что «святаго новаго мученика царевича Дмитрия честное тѣло, вложившее в раку, не соша в *соборную Преображения Господня церковь*» (Т. 4, л. 26 об.): этого факта нет в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, он читается только в Житии, и, видимо, оттуда его заимствовал Пушкин. Кроме того, в драме во время речи патриарха, согласно ремарке, «Борис несколько раз оттирает лицо платком», и далее один боярин другому тихо говорит: «Заметил ты, как государь бледнел / И крупный пот с лица его закапал?»;²⁰ у Дмитрия Ростовского после известия о слухах «в уши царю Борису» следует фраза, что «студ бо и срамота покрываше лице его». Конечно, образ Бориса Годунова в Житии прямолинеен и однозначен — это «студ и срамота» «Каина обличаемого», образ царя у Пушкина,

¹⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 64–65.

²⁰ Там же. С. 65.

о чем много писали, более сложный и объемный, хотя убийство Годуновым царевича Димитрия для Пушкина было неопровержимым фактом. И, наконец, еще одно замечание: у Пушкина «простой пастух, уже маститый старец» излечился от слепоты, а не от «разслабления». Чудо-исцеление расслабленного Симеона, Стефанова сына, было приведено в комментариях В. А. Бочкарева, но большая часть чудес, происходящих от мощей Димитрия царевича, описанных в его Житии, в том числе и в редакции Димитрия Ростовского, — это исцеления от слепоты, и эту деталь также мог отметить и соответственно передать поэт.

Не менее важна в драме и фигура юродивого, ориентированная, безусловно, на текст и комментарии «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина²¹ и объединившая образы двух юродивых — Николы Псковского (Саллоса)²² и Иоанна Московского (Большого Колпака).²³ У Карамзина о них сказано не много, и, возможно, Пушкину этого оказалось не достаточно. Желание создать образ юродивого как можно более точным и ярким отразилось в письме В. А. Жуковскому от 17 августа 1825 года, в котором Пушкин писал: «<...> нельзя ли мне доставить или жизнь Железного Колпака, или житие какого-нибудь юродивого. Я напрасно искал Василия Блаженного в Чет(ьих) М(инеях) — а мне было очень нужно».²⁴

²¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб.: в типографии Греча, 1821. Т. IX. С. 154—155 (1-й паг.); СПб.: в типографии Греча, 1824. Т. X. С. 283—284 (1-й паг.), 149 (2-й паг.), прим. 469, 470. См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 687.

²² Охотникова В. И. Николай (Сал(л)ос), Христа ради юродивый, Псковский // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. 50. С. 289—291.

²³ Ерусалимский К. Ю., Преображенский А. С. Иоанн Московский (Большой Колпак) // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 340—350.

²⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., 1837—1937: В 16 т. М.; Л., 1937, Т. 13: Переписка, 1825—1827. С. 211—212. На эту просьбу поэта последовала реакция Н. М. Карамзина и П. А. Вяземского. См.: письмо П. А. Вяземского Пушкину от 6 сентября 1825 г.: «Карамзин очень доволен твоими трагическими занятиями и хотел отыскать для тебя железный колпак. <...>

Этим вопросом-просьбой, интуитивно или осознанно, Пушкин обозначил одну из особенностей Четых Миней Димитрия Ростовского.

Несмотря на общую «агиографическую» полноту, Димитрий Ростовский, его современники, а затем и читатели, и, конечно, исследователи последующих времен, понимали, что русская агиография в Четых Минеях Димитрия представлена далеко не полностью.

По нашим наблюдениям, в четырех книгах первого издания Четых Миней имеется 133 статьи,²⁵ посвященные русским святым, — это, во-первых, очень краткие или немногим более распространенные месяцесловные записи, основанные, главным образом, на Прологе (60 статей), и, во-вторых, только 73 «полнотекстовых» жития, отличающихся от месяцесловных памятней как по объему, так и по количеству источников, из которых 37 — жития и патериковые рассказы, заимствованные из Киево-Печерского патерика, т. е. при довольно большом общем числе великорусских святых, отмеченных в месяцеслове Четых Миней Димитрия Ростовского (133 статьи), пространных редакций житий мало. Так, например, в последней части (на три месяца: июнь, июль, август), которая, как мы полагаем, была у Пушкина, — из 23 «полнотекстовых» житий 10 заимствовано из Киево-Печерского патерика, а 13 текстов составлено по другим источникам (царевича Димитрия, Игоря Ольговича, князя Черниговского, Константина,

Житие Василия Блаженного напечатано особо. <...> Карамзин говорит, что ты в колпаке немного найдешь пищи, то есть, вшей. Все юродивые похожи!» (Там же. С. 224). Трудно определить, какое издание имел в виду Вяземский, кроме известий в опубликованных летописях, на другие издания этого времени указаний нет; см.: *Ерусалимский К. Ю., Преображенский А. С. Василий Блаженный // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 123—131.* В ответ на это письмо Пушкин писал Вяземскому (13 сентября 1825): «Благодарю от души Карамзина за Железный Колпак, что он мне присылает <...>» (Там же. С. 226). О получении какого-либо текста от Карамзина ничего не известно.

²⁵ При подсчете мы учитывали все статьи и памяти, даже если память одного святого читается несколько раз, но под разными датами.

митрополита Кевского, Кирилла Белозерского, цареви-ча Петра Ордынского, Иулиании Печерской, Прокопия Устюжского, княгини Ольги, Федора Варяга и сына его Иоанна, князя Владимира, Макария Желтоводского, Антония Римлянина, Авраамия Смоленского).

Поиск русских житий, как уже отмечалось, Дмитрием Ростовским начался еще на Украине, но особенно интенсивным он стал в Москве и Ростове во время работы над 4-й, последней, частью Четьих Миней. В рамках данной статьи мы не можем охарактеризовать особенности этой работы, отметим только, что далеко не все тексты, доступные Дмитрию (более того, среди них единичные), были им использованы и вошли в последний том Четьих Миней.²⁶ Остановимся лишь на тексте Жития Василия Блаженного, которое «напрасно искал» поэт.

От работы Дмитрия Ростовского над 4-й книгой Четьих Миней сохранилась одна примечательная рукопись — РГАДА, ф. 381, № 420; в «Росписи книг келейных», составленной казначеем Ростовского архиерейского дома иеромонахом Филаретом после смерти Дмитрия Ростовского,²⁷ о ней сказано: «Жития святых, которые не положены в Четьих Минеях, в тетратях, набело переписанные с намерением, дабы в Четиях Минеях на своих местах приложены были и напечатаны». Сама книга представляет собой конвюлют (20, 557 л., нач. XVIII в., полуустав и скоропись разных рук с многочисленными пометами святителя Дмитрия), состоящий из 57 рукописей, содержащих различные материалы, преимущественно жития святых.²⁸

²⁶ Федотова М. А. Жития русских святых в составе Четьих Миней Дмитрия Ростовского. В печати.

²⁷ Первую публикацию описания библиотеки см.: [Филарет, иеромонах]. Роспись книг келейных // Москвитянин. 1855. № 21—22. С. 79—86. См. также: Шляпкин И. А. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891. Приложения. С. 54—58.

²⁸ См. подробное описание рукописи: Державин А., протоирей. Радуют верных сердца / Четии-Минеи святителя Дмитрия, митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник. Ч. 1. М., 2006. С. 240—255.

В ней также читается месяцеслов с памятями великорусских святых, вошедших в 4-ю книгу Четвых Миней, с указанием на источники, где содержатся и откуда должны быть взяты сведения о том или ином святом. Под 2 августа есть запись «Василий, Московский юродивый. В Прологу полтора листа. В Ярославской Четвь Николы Надфина²⁹ болѣе шестидесяти листов», т. е. митрополит располагал нужным материалом, у него был сборник, происходящий из ярославской церкви Николы Надеина,³⁰ содержащий полный текст Жития, но в Четвы Миней он не вошел, в издании читаем только следующее: «И преставление блаженнаго Василиа, юродиваго московскаго. Зри о нем в Прологу, а в Великой Миней Четвь ничтоже о нем обрѣтохом» (Т. 4, Л. 448).

Оставим открытым вопрос, почему святитель Димитрий не воспользовался проложными редакциями житий для великорусских святых, не переписал и не пересказал их, а отсылал читателя в месяцесловных записях к Прологу («Зри в Прологе», «Зри о них в Прологе»), а также не использовал в последнем томе жития из других, доступных ему житийных сборников, но при этом напечатал в своих Четвых Минейх почти без изменений все жития

²⁹ У Димитрия Ростовского были и другие сборники, содержащие жития русских святых: один из них маркировался как «Ярославский меньшей», другой — «Межигорская Миней». К сожалению, ни один из них не обнаружен.

³⁰ Церковь Николы Надеина (1620—1621 гг.) — первый каменный храм на Ярославском посаде — была построена на средства Надеи (Епифания) Светешникова, богатого ярославского купца, «самым деятельным образом участвовавшего в политических событиях XVII в.», в частности, именно он организовал производство копий, рогатин и доспехов для ополчения Минина и Пожарского. См. подробнее о деятельности Надеи Светешникова этого периода: *Кистерев С. Н.* Гость Надея Светешников в 1612 и 1613 годах // *Вестник Альянс-Архео.* 2016. № 13. С. 33—53. Примечательно также, что Надея Светешников был, вероятно, и участником Земского собора, избравшего Михаила Федоровича на царство. См.: *Федорычева Е. А.* Церковь Николы Надеина в Ярославле. М., 2003. Богатство внутреннего убранства и ризницы храма дает повод предположить, что в соборе имелись и крупные рукописные сборники.

из Киево-Печерского патерика. Связано ли это с тем, что большая часть работы была проделана Дмитрием Ростовским на Украине и написание Четьих Миней было «послушанием» в рамках малороссийской церкви и не имело общероссийского значения? Считал ли Дмитрий Ростовский Пролог более доступным изданием для читателя, чем Киево-Печерский патерик, а потому пересказал или почти переписал Патерик, и т. д.?³¹ В нашем случае существенно то, что в 4-й «Книге житий святых» Дмитрия Ростовского Пушкин смог познакомиться с Житием царевича Дмитрия и не нашел Жития Василия Блаженного, но в тех же Четьих Минеях он с увлечением и интересом читал жития святых монахов Киево-Печерской лавры, о которых писал позднее П. А. Плетневу: «Предания русские ничуть не уступают в фантастической поэзии преданиям ирландским и германским. Если [вдохновенье] все еще его несет вдохновением, то присоветуй ему (Жуковскому. — М. Ф.) читать Четь-Минею, особенно легенды о киевских чудотворцах;³² прелесть простоты и вымысла».³³

³¹ Печатный Пролог действительно издавался огромными тиражами, см., например: *Давыкин А. В.* Издания книги Пролог на Московском печатном дворе в третьей четверти XVII в. // Федоровские чтения — 2003. М., 2003. С. 176—197.

³² Отметим, что цензоры синодального издания Четьих Миней вычеркивали или правили слова и фрагменты, в которых говорилось об особой святости Киево-Печерской лавры, что являлось отличительной чертой Киево-Печерского патерика и исключительно подчеркивалось святителем Дмитрием Ростовским.

³³ Письмо П. А. Плетневу около (не позднее) 14 апреля 1831 г. См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., 1837—1937: В 16 т. М.; Л., 1941. Т. 14. С. 163.